

коллективу и в соответствии с этим не различали ни стадий, ни соучастников преступления. Большинство исследователей полагало, что преследование преступников является лишь делом потерпевшего или его родственников. Сборник келебских адатов содержит сведения о наказуемости воровства, что также свидетельствует об ошибочности широко распространенных в дореволюционной литературе взглядов, будто воровство у кавказских горцев не считалось преступлением вплоть до XIX в.

Большое познавательное значение имеют решения и адаты Цекубского сельского общества, позволяющие воссоздать быт общины, организацию сельского управления, правовое положение общинника. Все многочисленные адаты Цекубского сельского общества регламентируют поведение людей. Эти адаты, как указывается в тексте, являются основными, а кроме них имелись еще «мелкие адаты», которые исполнялись по усмотрению старейшин.

В Цекубском сельском обществе, как видно из материалов, значительная роль в общественной жизни принадлежала тухумам. Родовые связи и обязанности (например, защиты члена рода) были еще достаточно крепки. Не случайно в Цекубском обществе была установлена юридическая обязанность тухума отвечать своим имуществом за правонарушение одного из своих членов.

Как мы уже отмечали, царской администрацией на Кавказе в свое время были опубликованы сборники адатов округов Дагестана. Исключение составил Андийский округ, адаты которого были подготовлены к изданию в 1910 г., но так и остались в рукописи. Адаты Андийского округа, включавшего современные Гумбетовский, Ботлихский, Цумадинский, Ахвахский и Цунтинский районы, описаны весьма обстоятельно и охватывают широкий круг правоотношений. Эти адаты дают возможность проследить изменения в нормах права и организации суда под влиянием русского законодательства и уголовно-правовой политики царизма.

Представляет большой интерес и сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, в котором, наряду с нормами уголовного права и процесса, включены и нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения, в том числе вопросы семейного и наследственного права. Этот сборник, составленный в Дагестанском народном суде в 60-х годах XIX в., извлечен нами из Грузинского архива и передан Х.-М. Хашаеву, у которого находился список шамхальских адатов на арабском языке, переписанный в 1900 г. в медресе сел. Кумторкала.

И, наконец, надо отметить помещенный в сборнике Кодекс законов Умму-хана аварского (Справедливого). Перевод его с арабского на русский язык принадлежит Г. Цадаса. Публикацию этого кодекса XVII в. следует приветствовать, ибо хотя он и был, как уже отмечалось, издан в 1948 г., но успел стать библиографической редкостью.

Таким образом, сборник «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.» вводит в научный оборот много ценных правовых и историко-этнографических материалов и поэтому является весьма полезным источником для изучения обычного права Дагестана.

Нам думается, что учитывая состояние научной разработки обычного права, сборник следовало бы снабдить большим числом примечаний, а в некоторых случаях дать более расширенный комментарий. Необходимо было, на наш взгляд, высказать соображения, на основании которых составителем дана предположительная датировка публикуемых памятников.

В изучении обычного права Дагестана сделаны только первые шаги. Предстоит еще углубленные исследования замечательных историко-правовых памятников XVII в., анализ всей правовой системы горцев, подробное освещение основных понятий и институтов права. Такие исследования будут иметь значение не только для общей истории Дагестана, но и для науки истории государства и права народов СССР.

Высоко оценивая издание сборника «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.», хочется пожелать исследователям и в их числе Х.-М. Хашаеву успешного продолжения полезной и необходимой работы по выявлению и изданию материалов обычного права Дагестана.

А. С. Омаров

НАРОДЫ АФРИКИ

Z. Ligers. *Les Sorko (Bozo) Maîtres du Niger*. Etude ethnographique.

Ouvrage publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1964, т. I—XVI+199 стр., 16 стр. илл., 1966; т. II—XVI+205 стр., 16 стр. илл.

Исследование З. Лигерса — результат более десятилетней работы автора по изучению народа сорко, рыболовов, живущих на берегах р. Нигер в его среднем течении. З. Лигерс имел возможность работать на борту «Манного» — плавучей экспедиционной лаборатории Института Французской Черной Африки¹ — и непосредственно на-

¹ Ныне этот институт входит в состав Дакарского университета под названием Фундаментального Института Черной Африки.

блюдают жизнь сорко. Книга его интересна не только специалистам-этнографам, языковедам и археологам, занимающимся историей культуры народов Западного Судана, но и лицам, изучающим историю религий и религиозных воззрений на ранних стадиях развития общества. З. Лигерс, благодаря хорошему знанию языка сорко, глубоко ознакомился с обычаями и обрядами этого малоизученного народа. Большую ценность представляют приведенные в книге тексты на языке сорко, которые подтверждают наблюдения автора и дают возможность понять психологию этого народа, уяснить его верования и магические обряды. К сожалению, надо признать, что огромное большинство современных этнографических работ пишется обычно на основании кратковременных поездок и двух — трехмесячного, иногда одногодичного, пребывания в стране. Поэтому так редки книги, подобные исследованию З. Лигерса. Здесь читатель найдет сведения о поверьях, о которых ни один из местных жителей не станет говорить приезжему и малоознакомому человеку. Несомненно, что книга З. Лигерса, равно как и исследования его учителя Марсея Гриоля о масках догонов, принадлежит к числу наиболее выдающихся работ нашего времени по этнографии народов Африки.

Духотомное исследование З. Лигерса содержит чрезвычайно обстоятельную и подробную характеристику собирательства, охоты и рыбной ловли у сорко. Так например, описание охоты начинается с рассказа о том, что мальчиков обучают приемам и навыкам охоты с раннего возраста. Далее рассматриваются способы, применяемые при охоте на антилоп, слонов, бегемотов, носорогов и т. д. Особо описывается подготовка и организация коллективной охоты, все обряды, связанные с нею, дележ добычи, празднества и пляски масок по окончании ее и многое другое. Так же обстоятельно рассказывается о всех видах собирательства дикорастущих зерновых, корнеплодов, различного типа водорослей и т. п. Весь второй том посвящен описанию приемов рыболовства: ловле рыбы сетями, в запрудах и, прежде всего, охоте на крупную рыбу с гарпуном. Гарпун в жизни сорко играет исключительную роль. Это не только орудие рыбной ловли, но и охоты на антилоп, львов и других животных саванны.

Сорко обитают в долине среднего течения Нигера и занимаются рыболовством в средней его дельте, в бесчисленных протоках и рукавах ее, а также на озерах Дебо, Фагибин и многих других. Вся жизнь этого народа связана с Нигером, этой «великой рекой», Иса Бер, как называют ее сонгаи (основное земледельческое население, среди которого живут сорко). «Нет ничего лучше вещей, которые приносит вода», — говорят пословица сорко; «Сорко живут рыбой», — гласит другая поговорка; «Хорошо быть сорко: если у тебя нет ничего, ты питаешься рыбой».

Несмотря на то, что за последние годы появилось немало работ, посвященных изучению языка и жизни сорко, многие стороны жизни этого народа и их язык остаются малоизвестными. Так, до сих пор встречаются утверждения, что сорко представляют собою всего лишь касту рыбаков, живущих среди сонгаев. По сообщению А. Проста, сорко составляют две группы: одну, собственно сорко и другую — сомоно, причем первая охотится на гиппопотамов, вторая воздерживается от этой охоты. Первые считаются потомками легендарного героя Фаран Бера, вторые — его противника Фоно².

В действительности следует различать два народа — сомоно и сорко. Сомоно представляют собой группу племен, живущих среди земледельческого населения бамбара в районе долины Нигера от Бамако и Куликоро вплоть до Сегу, Дженне и Сансандинга и района Масины. Сомоно говорят на диалектах, близких языку бамбара. Сорко же живут восточнее — по берегам Нигера от Дженне и Мопти к северу в районе Гундама, Ньяфунке, у оз. Дебо и дальше к востоку у Томбукут вплоть до Гао и Тилла-бери. Сорко, или точнее сорого³, говорят на языке, близком языку сонинке.

Много неясностей вносит употребление этнонима бозо, которым называют как сорко, так и сомоно. По сообщению Ж. Даже, оно было дано рыбакам Нигера вне зависимости от их этнической принадлежности, вследствие неопределенности их поселений и представляет собою всего лишь презрительное название. Некоторые группы рыболовов, как сомоно, так и сорко, говорят также на языках своих соседей — земледельцев бамбара и сонгаи. Так в текстах, записанных З. Лигерсом, немало слов из языка сонгаи, что вполне понятно, так как в районе озера Дебо, где он работал, очень сказывается влияние культуры этого народа.

Рассматривать сорко только как касту рыбаков в среде сонгаев нельзя. Это особый народ, внутри которого существуют свои социальные слои или касты. Так, судя по записям Лигерса, отдельные группы сородичей (большие семьи или родовые группы — неясно), имеют свои дьяму, т. е. родовые названия. Некоторые из этих дьяму, например Тьента, считаются знатью, другие, как Паронда или Лонди — относятся к числу грнотов (певцов) и соответственно их признают низшей кастой.

В исследовании З. Лигерса упоминаются еще две этнические группы: первую из них сорко называют комо, что автор переводит — *captifs de pêche*, вторую — комбе или *captifs cultivateurs*. Первая группа не что иное, как сомоно, — так, замечает автор, их

² A. Prost, *La langue Songay*, Dakar, 1964, словарь, слово *Sorko*.

³ Самоназвание сорко — *сорого*, множ. число — *сорогойе*.

называют бамбара. Вторая группа — это римайбе (ед. число димадьо), т. е. земледельцы, издавна находившиеся в подчинении у фульбе. Так как Лигерс в своей работе не останавливается на проблемах общественного строя, неясно, в чем выражается зависимость этих групп населения от свободных.

В предисловии к I тому своего исследования З. Лигерс пишет: «Живя вдаль от света в своих рыбацких поселках, они (т. е. сорко) до наших дней сохранили язык, слова которого происходят от древнеегипетского, на котором говорили 5 тыс. лет тому назад». В данном случае автор, по-видимому, следует взглядам, высказанным известной французской ученой Луизой Омбурже, которая в свое время обосновывала теорию происхождения всех африканских языков из коптского и древнеегипетского. Теория эта не получила признания, и не могла быть доказана вследствие ошибочной постановки проблемы. Соотношение языка Древнего Египта и современных африканских языков нельзя сравнивать с взаимоотношениями романских языков и латинского. Оставляя в стороне языковые проблемы, могу все же сказать, что автор несомненно прав, отмечая известное сходство некоторых черт культуры населения древнейшего Египта с культурой рыбацких Нигера. Несколькими годами назад египетские археологи нашли около одной из больших пирамид в Гизе заупокойную ладью фараона эпохи Древнего Царства — Хуфу. Благодаря любезности египетских коллег я имел возможность ее рассмотреть. Ладья эта была найдена в разобранном виде. Когда ее удалось наконец собрать, (а это было довольно сложно), оказалось, что она была сделана из досок, или точнее, планок, обтесанных вручную и плотно пригнанных друг к другу. Вся ладья была сшита растительными волокнами, так же, как и лодки, которые я видел на Нигере около Томбукуту. Эти лодки, называемые сонгайцами та-хи, т. е. «сшитыми лодками», живо напомнили мне ладью Хуфу. Лодки такого же типа существовали и в Восточной Африке. Несомненно, как лодки на оз. Виктория Ньянза, так и сшитые лодки сорко — архаизм, однако видеть в них следы влияния Древнего Египта было бы неосновательно. В обоих случаях перед нами черты культуры древнейшего населения, обитавшего много тысяч лет назад на берегах великих африканских рек. Это такой же реликт, как и лодки, связанные из стеблей папируса, которые известны нам по изображениям на стенах египетских заупокойных храмов и гробниц эпохи Древнего Царства и которые бытуют до наших дней у народов верховьев Нила и оз. Чад. Как египтологам, так и археологам будет небезынтересно прочесть в книге З. Лигерса о различных способах охоты с гарпуном. У сорко существует множество разных типов гарпунов, предназначенных для охоты и рыбной ловли. Сорко, как это видно по их преданиям и обрядам, обожествляют это орудие. Они относятся к нему с особым почтением и даже устраивают в некоторых случаях похороны гарпуна, оберывая его в саван, как человека. Во время охоты сорко, метнувший гарпун в рыбу или гиппопотама, при удачном попадании воздает хвалу своему оружию. В сказаниях о предках, научивших сорко приемам рыболовства и охоты, гарпун предстает как живое существо: он обращается к охотнику с речью и дает ему советы. Невольно вспоминаются тексты, рассказывающие о временах, предшествовавших образованию древнеегипетского государства — предания о Спутниках Гора Smsw Hr и гарпунщиках mšn-tjw. Очевидно, и в жизни древних рыбацких долин Нила гарпун играл большую роль.

В работах, посвященных истории культуры Западного Судана, этнографы и историки нередко обращают внимание на взаимоотношения скотоводческих и земледельческих племен, которые оказали большое влияние на историю народов этой части Африки. По всей полосе Сахеля издавна существовал обмен между племенами скотоводов, приносящими земледельцам соль, скот и кожи в обмен на продукты земледелия (зерно, овощи), ткани и т. д. Однако в Судане немалое значение имели и рыбацкие племена, как видно из работы З. Лигерса. Рыболовы составляли древнейшее население речных долин Нигера, Бани и других его притоков. Между племенами рыбацких и земледельческих существовало тоже определенное разделение труда. Рыболовы поставляли рыбу земледельцам Судана, а те в свою очередь снабжали их солью, зерном, земляными орехами и т. п. В высшей степени интересны сказания сорко, сообщенные нам З. Лигерсом. Во многих из них мы видим отзвуки борьбы рыбацких, отстаивающих свои права на рыболовные угодья. Во всех сказаниях сорко неизменно выходят победителями и заставляют своих соседей-земледельцев — бамбару, бобо, догонов и других признать свое исключительное право на рыболовство. Прочно установившееся разделение труда существует и среди самих сорко: мужчины ловят рыбу, женщины ее обрабатывают — сушат, коптят и жарят. До наших дней рыба из района оз. Дебо поступает на продажу в Мопти, откуда ее экспортируют на юг — в Гану, на Берег Слоновой Кости. Немалое значение имеют различного рода перекупщики, закупающие рыбу у сорко в их поселениях и перепродающие ее в городе.

В данной рецензии нет возможности отметить все то новое, что открывает нам исследование З. Лигерса. Описание рыбной ловли, организации охоты, способов собирания лотосов, дикого риса, злака бургу, дикого проса, разного вида ягод и плодов — все это сопровождается рассказами об обрядах, которые должны совершаться перед началом всех этих действий и по возвращении в поселение. В книге приводятся множество легенд о знаменитых охотниках прошлого, о героях, научивших людей охоте

с гарпуном, различным способом ловли рыбы запрудами и вершами и т. д. и т. п. Замечательны легенды о соревновании волшебников сорко с колдунами соседних народов, в которых первые всегда одолевают своих противников. Среди этих сказаний очень любопытен рассказ о посещении волшебниками сорко подземных миров, в котором отразились космогонические представления этого народа. Любопытно, что в одной из исторических легенд о происхождении сорко их родиной считается страна Манде, откуда они приходят к скалам Ансонго, где, по преданиям, как известно, находилась прародина сорко и габиби — предков сонгаев.

Наблюдения З. Лигерса и все его записи относятся ко второй половине 1950-х годов. Может показаться удивительным, что до наших дней все производственные процессы, связанные с охотой и рыболовством, окутаны поверьями. З. Лигерс рассказывает о «владыках воды» (джиту) и «владыках охоты» (последних он лично знал), которые, по мнению всех своих сородичей, могут превращаться в животных по своему желанию. Перед началом охоты эти люди выполняют обряды, цель которых — «схватить рот леса», т. е. закрыть пасть хищникам и обезвредить их. Совершив этот обряд, «владыка охоты» «открывает лес», говоря: «входите». Охотники размещаются всегда в строго определенном порядке: на флангах — его ближайшие родственники, которые руководят своими отрядами, а в центре остается он сам и при нем находится сын его сестры. Именно сын сестры является его помощником и наследником. Несмотря на патрилинейный счет родства, родство по линии матери проявляется во многих обрядах. Так при разделе дичи лучшие части получают сначала дядя со стороны матери, а затем глава деревни. Перед отправлением на охоту, прежде чем садиться в лодки, чтобы плыть к лесу, «владыка охоты» посылает гонца к своей сестре, именуемой Санде, которая одна имеет право дать окончательное согласие на охоту. О решении Санде объявляют охотникам, которые лишь затем рассаживаются по лодкам. Роль женщины сказывается также в некоторых своеобразных обычаях. Так при охоте на слонов мужчины одевают женскую одежду, и мн. др.

В высшей степени интересно сообщение З. Лигерса о порядках, существующих еще до сих пор в деревне Нухун, которая считается как бы центром древней культуры сорко. Здесь сохранились обычаи подлинного матриархата. Женщина держит в своих руках бразды правления, руководя не только всеми домашними работами, но и рыбной ловлей. Мужчина должен просить ее разрешения во всех делах, касающихся охоты и рыболовства. Она решает все.

Как и у многих других народов, во время охоты запрещается называть животное его настоящим именем. Так про слона говорят — «ухо гарпун», «животное большое». Охотничий нож *наму* называют *дав* и т. д. Назвать гарпун — гарпуном или гиппопотам — гиппопотамом означает *дав* на себя несчастье.

Исследование Лигерса — безусловно, выдающееся событие в изучении культуры народов Африки. Следует пожелать, чтобы он продолжил свои этюды и дал не только описание производственной деятельности сорко, но и их общественного устройства, поселений, жилищ, способов постройки лодок и т. д. Но и того, что уже сделано, достаточно, чтобы признать этот труд самым основательным из всего того, что было написано о сорогой.

Хотелось бы, однако, чтобы в следующих выпусках были сделаны некоторые разъяснения. Так, нигде не говорится о том, как следует читать сокращения названий диалектов, и можно только догадываться об их полной форме⁴. Недостатком книги является также отсутствие сведений о принятой транскрипции. Поэтому неясно, как следует произносить некоторые сочетания букв: сохраняют ли они звучания французских букв или автор применяет какую-либо иную транскрипцию.

Д. А. Ольдерогге

⁴ Очевидно, автор пользуется сокращениями, принятыми в работе: J. Daget, M. Keniro, M. Sanankoua, La Langue Bozo. Etudes Soudaniennes, 1953 (Institut Français de l'Afrique Noire, Soudan).

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Colin Henfrey. *Through Indian Eyes. A journey among the tribes of Guiana.* New York, 1965, 286 стр.

На самолете и в автомобиле, на лодке и пешком двигался из одной индейской деревни в другую молодой английский этнограф Колин Хенфри. Он стремился узнать современную жизнь 23 тыс. индейцев Британской Гвианы, определить место этой горстки людей среди ее более чем полумиллионного населения, взглянуть на современный мир глазами индейцев.

О буднях и праздниках индейцев акавайо, арекуна, патамона, вапишана, макуши и других, об их частых горестях и гораздо более редких радостях Хенфри рассказал